

СОЛНЕЧНЫЙ СКАЧОК И НЕСУРАЗНЫЕ УШИ

Сашка была уверена – отец обожал, придерживая за руку, водить её в парикмахерскую. Там он получал удовольствие, наблюдая церемонию подстрижки любимицы под «мальчика». Это было видно по его смеющимся глазам, по его весёломуговору и улыбке. Зато Сашка с сожалением смотрела в зеркало на свои медные кудри, сползающие с головы на простыню под стрёкот машинки. Щекочущая холодком затылок та проходила по затылку, будто косилка по газону, оставляя в итоге на темени только чубчик. Несуразно обнажились уши. Сашка удивилась, у её отражения уши-то подросли! Ахнула: «Крендели а не уши», но стерпела ради отца. Фактурный парикмахер с узкими чёрными усиками под носом, восклицая: «Готово!» стряхивал с простыни, беспощадно срезанные зубастой машинкой кудри. Любуясь своей работой, вернее надо лбом оранжевой заплаткой «под бокс» он задавал последний вопрос отцу: «С одеколоном или без?» Отец не жадничал: «С одеколоном!» И щедро опрысканная одеколоном из пульверизатора с жёлтой резиновой грушей, Сашка благоухала сиренью на зависть соседским девчонкам и мальчишкам. Отец удовлетворён, наконец-то перед ним аккуратная у дочери головка, вместо рыжих колтунов сорванца. И всё также рука в руке, они возвращались домой. Отца до глубины души трогала исключительная доверчивость, которая исходила от маленькой ладошки дочери. Она не держалась за отца, скорее предоставляла возможность ему держать её.

Отец Саши учитель, ну, как ему обойтись без поучений? Любая минута общения с Александрой ему в радость, да и что за дорога без беседы?

– Завтра, Сашенька, у тебя день рождение. Это праздник – тебе исполнится целых шесть лет. Вот и прошло твоё младенческое время.

– Я знаю про время, его часы показывают дома на комоде!

– Верно. Однако на часах самая малая частица времени. Лишь половина суток, всего двенадцать часов, а в сутках ни много ни мало двадцать четыре. Поэтому сутки закончатся, когда стрелки пройдут по полному кругу два раза. Есть, Сашенька, в часах особенная, когда на них не посмотришь – они покажут настоящее время. То есть, сколько времени здесь и сейчас. Вот ты из парикмахерской идёшь со мной по улице – это время настоящее. Оно не ушло ни вперёд, ни назад. Посмотри на мои часы – одиннадцать дня. Настоящее время. А шесть лет твоей жизни останутся позади него. Такое вот оно время, времечко, что прожили, то прошло, называется время прошлое. Его изменить уже нельзя. Не черновик, где что не нравится – вычёркиваем... Прошлое как отпечаток твоих сандаликов на песке, ты ушла вперёд, а за спиной следы, твои следы, чем ты старше, тем их больше. И ничто из прошлого больше не повторится. Понятно.

– Да. Отпечатков, отпечатков шесть лет напечатали – даже страшно! Дождик из тучки в землю упал и пропал, не повторится. И мои шесть лет тоже.

– Верно схвачено. Время переменчиво: то оно прошлое, то настоящее, а то будущее. Мы с тобой прошли несколько шагов, а на часах уже стрелка перескочила одиннадцать часов, опять настоящее время, а одиннадцать уже прошлое.

– А куда стрелка не успела доскакать там будущее!

– Да. Молодчинка, разобралась верно. Правда, будущее чаще остаётся тайной за семью печатями. Оттого и жить интересно, а что же будет дальше?

– И что будет дальше?

– Будет завтра – время будущее. И завтра твой день рождения.

– А шесть лет это уже много?

– Если сравнить с одним днём, то много, и всё же мало, если сравнить с моими годами. Мне уже сорок. Потому-то ты считаешься пока маленькой. Однако. Твои годы – твои учителя. Ты научилась ходить, говорить, рассказывать стихи, помогать по дому, а главное, любить всех нас.

– И в футбол играть научилась. Никто на воротах не любит стоять, всем хочется бегать. А на воротах и девчонке можно! Я, папочка, вратарь – главная в игре. Я цепкая, я юркая, я смелая! Мне никто не сможет забить гол.

– Ай-ай-ай! Ты ещё и хвастунишка. Пусть другие тебя похвалят, а то когда сама себя нахваливаешь – всех смешишь. Цепкая, юркая, смелая...

– И боевая! Так наши футболисты говорят.

– Надо же – Саша футболистка! Мальчишки нарочно берут тебя на «слабо», а ты и рада колени и нос до крови разбивать, чтобы послушать – какой ты вратарь кепка, держишь крепко! – подшучивал отец.

– Нет, не так, я сама захотела играть в футбол. У меня здорово получается. Спроси, спроси ребят со двора, они тебе скажут. Мне не жалко кудри, пусть их... Парикмахер (тут Сашка неимоверно коверкала слово) срезал, зато теперь никто меня не узнает, когда я твою кепку надену.

– Она на нос тебе упадёт, велика для твоей головки. Завтра, доченька, оставь футбол и мою кепку. Будем учиться читать. Приготовь чистое платье, вымой лицо и руки, а руки лучше с мылом, новые надень туфельки – надо стать приличной девочкой.

– А уши, пап? Куда я уши дену?

– Причём здесь уши? – остановился отец.

– Как причём? Как причём? Уши-то, уши-то торчат, кошкам на смех.

– Курам на смех, так в народе говорят. Ты, уж, не сочиняй. Уши твои на месте, нормальные уши, – отец улыбается, уши и правда что-то стали великоваты.

– А буквы я знаю, меня старшие сёстры научили, – опять задрала нос Саша.

— Посмотрим, посмотрим. Что буквы знаешь, это хорошо. Быстрее у нас дело пойдёт... Читать, Сашенька, научишься – полюбишь книги. А книги истинное сокровище. Как колодец чистой водой, так они наполнены знаниями. Они познакомят тебя с искусством разных народов, расскажут про всевозможные страны и океаны, откроют глубинный голос человеческих сердец. Запомни, дочка, знания, та ноша, которая не ляжет тяжёлым грузом на плечи, будто торба за спиной.

И не так уж Сашке становилось жаль медных своих кудрей, и решительно чубчик на голове сойдет, если можно услышать столько нового по дороге в парикмахерскую и обратно.

Перед сном Саша раздумалась... Ах, что подарят ей завтра старшие сёстры? У Таты она видела зеркальце. Тата когда делает уроки, туда заглядывает. Хороша ли? Спросила бы Сашку, та ей правду бы сказала: «Чудо как хороша!» Одна русая коса чего стоит – как в сказке у подводной царевны! Нет, зеркальце Сашке не надобно, последние кудри в парикмахерской на полу остались. Почему папе она нравится остриженной? – Сашка провела по затылку ладошкой. Ух, как колется! Щетинка на затылке не помешала мечтанью: – У Калечки ей нравятся тюбики с красками и карандаши, но вряд ли сестра их подарит. Один тюбик ей ни к чему, а все? Даже надеяться нечего! Кале самой они нужны, любит сестра рисовать картины. Сашка тоже любит рисованье, но лучше Каленьки не получится, старайся, ни старайся. А мамочка? Что завтра подарит мамочка?

Забылась Александра, спит без сновидений. Ей хорошо. Блаженствует во сне в преддверии дня рожденья! Вдруг слышит сквозь сон – кто-то тихо зовёт, вроде бы папенька родной, но глаза слиплись, никак не открываются. Чутко ощутила тепло его руки на чубчике, от неё до самого сердца доходят нежные, волшебные токи. И голос бархатный:

– Вставай, дочка, я тебе чудо покажу. Пойдём со мной, кофту обязательно накинь, а то на улице свежо.

Через двор, окаймлённый высоченными кустами сирени, как всегда рука об руку они проходят в калитку на улицу. Сирень уже отцвела. Но удивлённая Саша увидела, что весь, весь воздух окрашен в сиреневый цвет, будто разлетелись и растаяли в воздухе маленькие лепестки цветущей сирени. Загляделась на сиреневую ночку. Тишина повсюду, и только слышен негромкий отцовский разговор:

– Сашенька, видишь, вокруг светает. Уже близко рассвет. Сейчас ты и я встретим солнце!

Саша знает про солнце. Что в нём такого? Как проснёшься – оно уже на небе светит, вечером прячется куда-то, и тогда везде становится темно, и тогда мама укладывает спать. Любопытно! Как же можно его встречать? Вот она, Саша, встречает с работы папеньку – виснет у него на шее. Ласкается к маме, когда та в спешке забегает между сменами домой. Мама работает в школе учительницей, а папа директором. Только и слышно: «Заняты, заняты, заняты». Сашка скучает о них, а потому обязательно встречает. Но папа сказал – будем встречать солнце. Вот это да! Его же не обнять и не поцеловать!

Отец ей разъясняет:

– Солнышко скоро встанет над Землёй, и мы с тобой увидим чудо! Замечай, Сашенька, – сначала порозовеет горизонт, вон та черта между небом и землёй. Называют её горизонт, а ещё раньше звали окоём или озор. Потом на небе разгорится заря, запольхает – будто от пожара, а после из-за той черты выглянет огненный зрачок. Осмотрит зорко землю: «Эй, сони, пора всем просыпаться!» На самом же деле, это покажется только солнечный краешек. Лишь потом начнет выползать и само солнце! Выступит над окоёмом его жаркий лоб, потом высунется из укрытия половина, а потом... раскаленный круглый лик солнца объявится целиком. Вот тут, Сашенька, самый важный момент, его нельзя пропустить. Солнца шар оторвётся от земли и сделает стремительный скачок в небо! Этот прыжок не упустит, потому что лишь мгновение будет видно – как оно рванёт вверх и покатится по небу солнечным колесом. После наступит покой. Солнце встанет на место и засветит всем людям и всему живому на земле, всем без исключения.

И Саша, подготовленная отцовскими словами, замерла в ожидании чуда. Занималась перед ней заря. Пламя алеющей кромки земли разбухало ввысь и вширь, властно занимая багровым свечением небесный купол. Саше от дивной красоты дух захватило, не оторваться! Все чувства, как тонкие струны натянулись. Неожиданно из-за черты между небом и землёй выглянул и замигал огненный глаз, и не спеша, постепенно начало выступать само солнце. Вот оно: огромное, дышащее огнём, будто живое существо, воплощённое в раскалённое светило, вздохнуло полной грудью. Толчок от земли! И солнце взлетев в небо, покатилося алым колесом... Всего лишь миг, мгновение... И потом встало! Замерло неподвижно над землей, радостно сияя и купаясь в лучах собственной славы.

Саша не сразу разобрала, что говорил ей отец:

– Ты видела? Тебе удалось заметить скачок? Наступил новый день, но больше на солнце не смотри, опасно глазам!

– Да! – выдохнула заворожённая Александра.

Она не отрываясь, смотрела в небо, и вдруг отчаянно выбросив руки вверх, сложила их чашей. Немея от восторга, вбирала дивные потоки света. Цветы подняли лепестки, птицы крылья, деревья листья – всё просыпалось от сна, оживая под яркими, тёплыми лучами светила.

Отец удивился, откуда Саша взяла тот древний языческий жест, руки чашей к солнцу? На картинках его давно не изображают. Он рукой прикрыл дочке глаза: «Больше не смотри, не надо. Можно ослепнуть!» Сейчас Александра его послушалась. Впереди у неё будет много восходов и закатов, но именно тогда, на первом свидании с солнцем, поселилось ощущение тайны и огромности мира. Мира, в котором она привычно обитала с родными, друзьями и с тем чирикающим всю мочь воробьём на ветке берёзы. Ведь до этого рассвета день за днём поднималось и светило обычное солнце. Ну, есть оно на небе и есть. И вдруг оно перестало быть обыденным. Ведь Саша с отцом приобщилась только что к невероятной тайне. Солнце просыпалось как все люди, поднималось из укрытия ночи, и вскочило – как она с постели, оттолкнувшись о край земли, чтобы прокатиться сверкающим колесом, словно весёлый обруч у брата на палочке. Как ослепительно оно засияло! Как весело ему запели, попискивая, по всей округе ласточки! Закружились

вихрем у своих наклепленных на окна гнёзд. И вдруг загудела проезжая мимо поливочная машина. Просыпались люди. Свершилось чудо – явился новый день!

– С днём рождения, дочка! С днём рождения, Сашенька!

– Это твой подарок? Да? Твой подарок?

– Нет, подарок от меня будет Букварь. А это солнце дарит тебе новый день! То, что вчера было будущим, стало настоящим. Солнечным настоящим.

Новый день сулил Сашке подарки, в день рождение их дарят детям обязательно! Первой мамочка принесла новый ситцевый сарафан. Это с ним она возилась до поздней ночи, строчила на машинке «Зингер», чтобы успеть к сегодняшнему дню для своей младшей дочери. Весёленькой расцветки, весь в голубых колокольчиках сарафан получился на славу, и в самый раз, ни длинноват, ни короток.

– Ты бы в зеркало взглянула, Сашенька, – предложила мама. Сашка, подскочив к зеркалу, отвернулась с разочарованием:

– Сарафан красивый, и крылышки, и оборочка, даже кармашки есть. А я? Уши-то, уши! Крендели на чайнике! Почему я такая некрасивая, мама? Почему ни как Тата? Почему рыжая?

– Разве некрасивая? Не верь никому, очень даже красивая. Папа твой с парикмахером, конечно, учудили, но ведь твои кудри просто мука – невозможно расчесать. Никакой гребень их не брал. Каждый раз от расчёски ты горячими слезами плачешь, а я плачу от жалости. – И мама обняла дочку. – Скажи мне, глазки твои видят?

– Видят.

– Ушки слышат?

– Слышат.

– Ножки хорошо ходят?

– Ходят хорошо.

– Ручки на месте, зубки белые и острые. Какая же ты некрасивая? Очень даже красивая. Всё у тебя на месте. И не рыжая ты, а моя золотая, тебя солнышко любит, вот и покрасило.

– А мы его утром с папой встречали! Как оно светило!

– Да, милая, при солнышке светло, а при мамочке тепло. Разве не так?

Ах, как сладко, как тепло и радостно в объятиях мамочки – так бы Саша и не отпускала её от себя никуда. Но мама самый занятый человек, всё-то бегом, всё-то бегом в школу и обратно домой с кипой тетрадей. Потом их проверяет, потом решает задачки и учит, учит сестричек математике. На днях показывала, как поднимаются в рост начерченные на листе плоские фигуры. Их мама называла пирамиды, трапеции, параболы. И Сашка сунула туда свой любопытный нос. Только смотреть надо было через слюдяные очки, где один глаз синий, а другой красный. В очках рисунки становились выпуклыми и большими. Снимешь очки – фигуры лежат, наденешь – поднимаются горкой прямо к глазам. Сашке такая математика понравилась. Непонятно, как это так получается, но интересно!

Потом Тата в подарок принесла две алые ленточки, чтобы украсить Сашкины кудри. Ясно, она за подругами ничегошеньки не знала про обскубанную Сашкину голову. И теперь сёстры смотрели с сожалением на подарок, который на чубчик не пристроишь.

– Сашок, кто это тебя так?

Сашка, увидев огорчение старшей сестры, засмеялась:

– Ничего страшного! Кудри отрастут и ленточки пригодятся. Я ленты сберегу, такие красивые! Ты их не забирай, оставь мне, – испугалась Саша, что ленты достанутся Танюшиным косам. С задором обратилась к Тате: «Зато потрогай, какой у меня затылок колючий».

Тата потрогала щетинку на макушке – неприятно кольнуло ладони. Легко шлёпнув Сашку по чубчику, тут же её поцеловала.

– Не переживай, дюйчик, ты и лысыком милашка! – Тата как всегда снисходительна к мелкой сестре – «дюйчику», так она окрестила Сашку.

И Каля тоже принесла подарок. С ума можно сойти! Двойной лист из своего альбома и большой цветной карандаш. С одной стороны подточенный носик карандаша синий, с другой – алый, как те очки по математике. Саша от счастья запрыгала на одной ноге.

– С днём рожденья, Шурочка!

– Тебе не жалко? Не жалко? Я так мечтала! – В ответ, конечно, обнимашечки, поцелуи, поцелуи, поцелуйчики...

С большим нетерпением она ждала обещанный подарок от отца. А тот куда-то ушёл. Сашка в это лето стала настоящая дворовая девчонка. Июльская жара центральной России выжаривала у неё кожу до шоколадного отлива, от солнца беспрерывно лупился нос. С взлохмаченными рыжими волосами, с руками в цыпках, с пыльными босыми пятками, сандалии сброшены где-то в кустах двора, сорванцом она носилась допоздна с ровесниками во дворе. Нет, такой девчонке отец ни за что не даст Букварь! Он же ей на рассвете намекнул, что надо быть приличной девочкой. Такой, наверное, как соседка Леночка, с пышными бантами в косах и всегда в туфельках, её ни разу Сашка не видела босоногой. Сашка её не одобряла, так ведь и не узнает – чем дышит земля, как она волнуется и любит. Недаром говорят душа в пятках, голыми ступнями Сашкина душа с землёй здороваётся по сто раз на день. А бывает – Сашка упадёт в траву на спину, глаза закроет, а земля её как в люльке раскачивает. До одури травы пахнут. О! Блаженство несусветное!

Однако сегодня в день своего рождения Саша должна угодить папёнке – отмытая, с остриженной почти под ноль головой, наконец-то с чистыми руками, в новом сарафане и даже в белых носочках, которые ужас как ей мешают. И, действительно, вернувшись к обеду домой, отец придирчиво осмотрев дочь, остался доволен.

Ах, бывают же лучшие минуты в жизни! В палисаднике на столе лежала раскрытая книга, подарок ко дню рождения – Букварь. Книга – большая и вся в раскрасках. И на каждой странице везде буквы, буквы, буквы.

Мягко рокоча голосом, папочка наставляя, будто бы стыдил Сашку: «Замарашкам книги в руки не дают, с почтением относись к первой своей книге. Следи, чтобы чистыми были руки, а голова светлая. Страницы не загибай, на это есть закладка».

– Не буду, – буркнула Александра.

– На-ко, держи Букварь и поздравляю с днём шестилетия, – торжественно протянул книгу Саше.

– Это твой подарок? – замерла от восторга Сашка.

– Да, подарок ко дню рождения. Но этого мало. Это первая твоя книга, которую ты сама прочитаешь. А я тебя научу. Давай начнём!

В палисаднике душисто пахла белая акация. Книга «Букварь» на столе и тонкий аромат белой акации, жужжание толстого шмеля над пахучим цветком резеды, цветы, цветы, цветы у скамьи, где обучал её отец, слились для Саши в праздничный салют. Она трудилась с усердием в познании первых букв, слогов. Слога сливались в слова, слова в предложения.

А отец через книгу, через буковки знакомил Александру с новым для неё умением, открывать для себя мир больший, чем можно увидеть глазами. Он учил её читать. Она с напряжением трудилась, составляя из различных уже знакомых значков образы.

– Смотри, Сашенька, как много значит слово. Оно в сочетании с другими словами строит предложения, предложения выражают мысль. А в мыслях, дочка, весь смысл. Светлые мысли как озарение, яркостью равны сегодняшнему рассвету. Мы, люди, существа любознательные – желаем разгадывать тайны. Желаем, а?

– Ещё как желаем!

– Разгадка неизведанных тайн – радостное открытие. Это как скачок солнца в небо – рядом было, но до этого дня тебе не ведомо. Смотри – в слове солнце есть и тайна, и

открытие. Слышится нам: «солнце», а пишем в серединке букву «л». Эта буква будто бы скрыта в звуках, но без неё в письме будет ошибка. Буква «л» как пружинка, которая толкнув дальше звуки, поднимает над землёй солнце!

– Как было утром красиво! – с восторгом глядит в небо Саша.

– Как важно для всей нашей земной жизни солнышко! – сказал с тёплой грустью отец. И многое другое поведал он Сашке, о том – как появляется из тучи дождь, гром и молния. Друг с другом различные, они являются одновременно, и общая у них только туча, она их рождает и потом сама исчезает. – «Хитро устроено!» – удивляется Сашка. А Радуга? Оказалось, тоже не просто так на небе появляется. Бабушка говорила: «Радуга – вход в Божьи ворота». А отец про капли дождя и лучи солнца, скрестились, сошлись и заиграли каждый своим цветом. Как висюльки на хрустальной люстре у соседки Дуси.

А потом Саша, уткнувшись носом в Букварь, читала. И у неё неплохо получалось: «Мы-ло у ма-мы. Ма-ма мы-ла ра-му». Как вдруг по всему двору раздался истошный крик:

– Шурка! Где ты? Иди на ворота! Идём играть в футбол!

Она взглянула на отца. Папа сразу-то и не понял, что это зовут играть в футбол его разлюбленную дочечку. – «Нет, не пойду», – отмахнулась она от мальчишек, – «Не до вас!» – И продолжила чтение: «Ма-ма мы-ла Ро-му».

– А кто же будет стоять на воротах? – спросил отец.

– У меня день рождение. Я сегодня нарядная, в носочках и новом сарафане. Не получится футбол. И кепка без кудрей, сам говорил, упадёт на нос.

– Ты же мальчишек и команду подведёшь! Разве это хорошо?

– Папа, я учусь читать. Если уйду, то подведу Букварь, а он твой подарок. Будет ли хорошо?

– Думаю, что не годится бросить чтение, но и ребят подводить не годится. Пойди к ним и скажи, что ты сегодня занята. Объясни им, что у тебя день рождения.

Скоро Сашка вернулась в палисадник, в руках она держала неяркий букет из полевых ромашек, клевера и разной травы.

– Кто это тебе подарил? – улыбаясь, спросил её отец.

– Мальчишки с нашего двора. Цветы нарвали на стадионе. Там везде ромашки растут, где мы их мячом не сшибаем. Они сказали – я лучший вратарь! Качать Шурку кричали, но я не далась. Всё-таки в сарафане... – не сдерживаясь, хвасталась она.

– Верно, сосед долговязый Митька Бородиных подарил, – подшучивал отец. – Без конца к нам в окна заглядывает, благо невысоко первый этаж. А глаза его хорошие – как вот эта пара васильков в букете.

– Да, да, да! У Мити васильки цветут на лице! Он вовсе и не долговязый. Во все и не в окна. И не он подарил – мальчишки. Ах, папа, день рождение – замечательный день! – закружилась на одной ноге Сашка.

Отец тоже рад, открыто смеётся. Цветы для дочки, такие же по-детски хрупкие и на вид невзрачные, очень кстати в день рождения.

– Скажи, пап! Всё, всё, всё моё теперешнее время тоже станет отпечатком сандалий? – и Сашка выставила свою сандалию со стёртым носом вперёд.

– Станет, но не сегодня, а лишь когда ты вырастишь и оглянёшься назад. Если не забудешь свой день шестилетия.

– Я его запомню! И солнце колесом и твой Букварь! Подарки, ромашки и мои несурзные уши!...

Гусева-Рыбникова Е.А.